

КАКИМ ЕГО ПОМНЮ...

СЕГОДНЯ НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР МЕХТИ МАМЕДОВУ
ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 70 ЛЕТ

Мехти Мамедов был одним из тех немногих, кто, пройдя через победы и срывы, открытия и заблуждения, всегда стремился к своей цели — постижению сверхзадачи в жизни и творчестве. Он поставил не так уж много спектаклей, но зато был всегда правдив в искусстве и все, за что ни брался, делал по-настоящему, на совесть. В золотой фонд театрального искусства республики вошли такие его постановки, как «Живой труп», «Иблис», «Хайям», «Инсан», «Сборище сумасшедших», «Двенадцатая ночь», «Ромео и Джульетта», «Ревизор» — на сцене Азербайджанского драматического театра, а также «Лейли и Меджнун» и «Севиль» — в театре оперы и балета, «На дне» — в русском драматическом.

Но не мне заниматься анализом его творчества. Хочу лишь благодарно коснуться того времени, когда Мехти Асадуллаевич преподавал режиссерское мастерство на нашем курсе в Институте искусств имени М. Алиева. Он умел создать удивительную атмосферу для растущей творческой личности. Никогда не давал готовых рецептов, не поучал, не заставлял зубрить основы режиссуры, правильно полагая, что профессиональные навыки приходят только с практикой. Единственное, что всегда требовал, — уметь самостоятельно мыслить, искать, сомневаться и непременно — до конца быть верным театру, искусству.

Я часто думаю: был ли

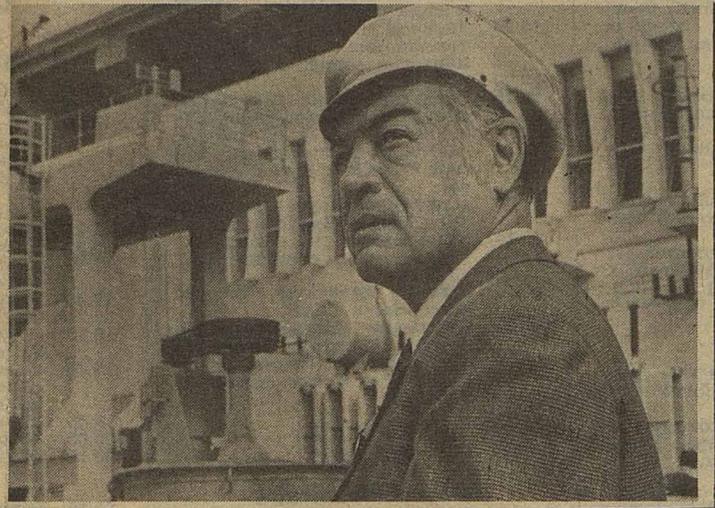
счастлив Учитель? Наверное, да. Ведь он работал с такими близкими ему по духу людьми, как Адиль Искендеров, Тофик Кязимов, Магеррам Ашумов, Алескер Алекперов, Мирзага Алиев, Барат Шеминская, Марзия Давудова, Али Зейналов и позже — Шафига Мамедова, Гасан Турабов, Амалия Панахова. А театральные критики? О работе Мамедова они всегда писали со знанием дела, придирчиво и емко, с любовью и болью. Никогда не забуду, с какой обидой за своего Учителя мы, студенты, отреагировали на острую критическую рецензию Джафара Джафарова на спектакль Мехти Мамедова «Даглан тифаг». Каково же было наше удивление, когда на следующий день после выхода рецензии мы увидели Мехти Асадуллаевича, идущего под руку с Джафаровым и что-то очень увлеченно рассказывающего! Подобные уроки, надо сказать, не забываются.

Казалось бы, Мехти Мамедов получил при жизни все, что можно было получить: звания, награды, премии, и лишь недополучил человеческого тепла, искренности, понимания. Но об этом говорить — увя, поздно. Его любили и ненавидели. За философский склад ума, неординарность мышления, за то, что Мехти Асадуллаевича невозможно было «посадить на место», а тем более — уговорить пойти на компромисс. Но ни те, ни другие никогда не позволяли себе сфальсифицировать

с нашим Учителем, похлопать его по плечу...

Личность исключительная, он был беспощаден к себе, постоянно «самоедствуя», анализируя свою работу. И всегда, всегда был честен в исполнении служебного и общественного долга. Мехти Асадуллаевич не один год был председателем республиканского Театрального общества.

Говорили, что он суров и неулыбчив. Это совсем не так. Если бы вы знали, как он умел смеяться! Вспоминается такой вот, где-то курьезный случай. Как-то Мехти Асадуллаевич пришел к нам на лекцию в роскошном белом костюме. Надо сказать, что он был подчеркнuto аккуратен во всем. В том числе и в одежде. Словом, с важностью вошел в аудиторию, дал себя всем осмотреть, затем подошел к столу... Но едва Мехти Асадуллаевич сел, как ножки стула обломались, и он на глазах у своих студентов... упал. Причем так неудачно, что распластался в белом костюме возле стола. Воцарилось молчание. Нам стало как-то неловко, словно мы были повинны в том. И вдруг из-под стола послышался смех. Сначала тихий, потом все нарастающий, переходящий в захлебывающийся хохот... Мехти Асадуллаевич своим смехом сам вывел нас из затруднительного положения. Потом мы долго смеялись уже все вместе и даже спустя годы не однажды вспоминали об этом случае.

Часто задумываюсь: что остается, когда уходит Учитель? К сожалению, это слово — «учитель», — которое приходит к нам еще в детстве и потом сопровождает всю жизнь, олицетворяя собой что-то очень доброе, сокровенное, в последнее время несколько затерлось, потеряло свое истинное значение. Кого мы называем «муаллимом»? Чуть ли не каждого второго, забывая о священности вложенного в это слово смысла. Мехти Асадуллаевич, кроме всего прочего, подарил миру искусства учеников, которых нежно и кропотливо выпестывал и которыми гордился всю жизнь.

Как реликвию храню книгу Николая Горчакова «Режиссерские уроки К. С. Станиславского», подаренную мне Учителем. Есть в ней такая надпись: «Эту книгу писал о своем учителе учитель твоего учителя. Мы вправе гордиться этой родословной».

И я всегда горжусь этим.

Г. ГЮЛЬАХМЕДОВА-МАРТЫНОВА,
народная артистка Азербайджанской ССР.